

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 179.8

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОРОКА В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

В.Н. НАЗАРОВ*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail: nazarov_vn@mail.ru*

Суть гипотезы, представленной в данной статье, заключается в том, что одной из главных причин кризиса этической науки является парадигма аристотелевской (традиционной, классической) этики добродетелей и пороков, схематизм которой определяет форму развития этики в европейской культуре (включая и ее христианскую рецепцию) на протяжении более двух с лишним тысяч лет.

Для доказательства этого автор обращается к русскоязычной лексикографии порока, опираясь на толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля.

Ключевые слова: Аристотель, этика, мораль, зло, грех, порок.

Без греха согрешишь.
Грешный честен, грешный плут – в мире все грехом живут¹.

Современная этика (теория морали) пребывает в состоянии затяжного кризиса. Еще в 1928 году Д.И. Чижевский в своей новаторской статье «О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории)» констатировал, что кризис этики, проявляющийся в ее абстрактно-логическом характере, «ставит под вопрос самую *возможность* этической теории в ее традиционной форме»². С тех пор ситуация практически не изменилась, не смотря на бурное развитие прикладной этики. Этическая теория имеет тот же «абстрактно-логический характер», и столь же актуальным продолжает оставаться вопрос о возможности обоснования нетрадиционной, (неклассической) этики. Спорадические попытки указать на феномен этой «неклассической» этики мы все-таки встречаем в современной отечественной литературе³. В целом под феноменом *неклассической этики*, современные исследователи склонны понимать определенные системы морали,

¹ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Спб., 2004. С. 140.

² Чижевский Д.И. «О формализме в этике (Заметки о современной кризисе этической теории) // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 15.

³ Так, С.С. Хоружий пишет, что в современной ситуации, когда гуманитарное сознание испытывает кризис, порожденный вынужденным отказом от прежних классических теорий, связанный с поиском новых методов воздействия на общественную практику, становится все более очевидным, что новая этика не может быть отвлеченной и доктринальной, «эссенциалистской», что по своей сути она не должна быть жестко нормативной, авторитарной, не должна опираться на традиционную модель этического субъекта. Отказ от отвлеченных учений заставляет обратиться к опытной почве: становится актуален поиск новых источников, новых полей этического опыта, оставшихся прежде вне поля зрения науки. См.: Хоружий С.С. Этические принципы исихазма и современные поиски неклассической этики // <http://www.bogoslov.ru/text/2284692.html>

«спонтанно формирующиеся вне границ официальной этики»⁴. Их предметом является ценностно-определяемая практика личности и общества, морально насыщенные выводы и рассуждения, становящиеся основанием социально изменяемой практики. Подчеркивается, что неклассические этики отличаются от классических, прежде всего, своим языком, способом экспликации которого являются не категории, а своего рода экзистенциалы и экзистенциальные понятия, а также особым стилем аргументации. Это системы морали, опирающиеся на неклассический идеал рациональности и обладающие огромным убеждающим влиянием в отношении морально-этических ценностей и способов их достижения.

Данные суждения, в которых правомерно говорится «об отказе от прежних классических теорий», от «традиционной модели этического субъекта», о необходимости основываться на «неклассическом идеале рациональности», останавливаются, тем не менее, перед главным требованием: неклассическая этика должна идентифицировать себя, прежде всего как **«неаристотелевская этика»**, или, иными словами, как этика, базирующаяся на неаристотелевской логике.

Суть нашей гипотезы заключается в том, что одной из главных причин перманентного кризиса этической науки является парадигма аристотелевской (традиционной, классической) этики добродетелей и пороков, схематизм которой определяет форму развития этики в европейской культуре (включая и ее христианскую рецепцию) на протяжении более двух с лишним тысяч лет. В этой связи становится понятным смысл высказывания Б. Рассела о том, что «этика в отличие от многих других предметов со времен древнегреческих философов, практически не сделала никаких определенных шагов вперед в смысле достоверных открытий»⁵.

Напомним, в чем заключаются ключевые положения аристотелевской парадигмы этики.

1. Аристотель полагает, что добродетель имеет свои границы, свой предел, и, следовательно, некую «золотую середину» или «вершину», тогда как зло, порок – беспредельны. Поэтому, пишет он, «совершать проступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо — определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель). В этом, стало быть, причина того, что избыток и недостаток присущи порочности (*kakia*), а обладание серединой — добродетели. «Лучшие люди просты, но многосложен порок», — приводит Аристотель строку неизвестного автора⁶.

2. Тем не менее, существуют поступки, которые порочны или добродетельны сами по себе, независимо от их «количественных показателей», т.е. их середины, избытка или недостатка. «Однако не всякий поступок и не всякая страсть допускает середину, ибо у некоторых [страстей] в самом названии выражено дурное качество (*phaylo tes*), например: злорадство, бесстыдство, злоба, а из поступков — блуд, воровство, человекоубийство. Все это и подобное этому считается дурным само по себе, а не за избыток или недостаток, а значит, в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок; и «хорошо» или «не хорошо» невозможно в таких [вещах; например, невозможно] совершать блуд с кем, когда и как следует; вообще совершать какой бы то ни было из таких [поступков] — значит совершать проступок. Будь это не так, можно было бы ожидать, что в неправосудных поступках, трусости, распущенности возможны обладание серединой, избыток и недостаток, ведь тогда было бы возможно по крайней мере обладание серединой в избытке и в недостатке, а также избыток избытка и недостаток недостатка. И подобно тому, как не существует избытка благоразумия и мужества, потому что середина здесь — это как бы вершина, так и [в названных выше пороках] невозможно ни обладание серединой, ни избыток, ни недостаток, но, коль скоро так поступают, совершают проступок»⁷.

⁴ См.: Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск, 2002.

⁵ Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 202.

⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 86.

⁷ Аристотель. Указ. Соч. С. 87.

3. Не может быть меры или «золотой середины» порока, так же, как не может быть избытка в избытке, или недостатка в недостатке. «Ведь, вообще говоря, – отмечает Аристотель, – невозможно ни обладание серединой в избытке и недостатке, ни избыток и недостаток в обладании серединой»⁸.

Обратим внимание, что между первым и последующими положениями существует определенное противоречие. Ведь если порок беспределен, то он должен быть делим до бесконечно малых и исчислим до бесконечно больших величин. И, следовательно, **аристотелевский «блуд», «воровство», «злорадство» и т.п. должны иметь свой избыток и свой недостаток, что мы и попытаемся показать далее на примере русскоязычной лексикографии.**

В чем смысл данных положений Аристотеля? Переводчик «Никомаховой этики» Н.В.Брагинская высказывает следующее предположение: «Аристотелю чужда мысль о постоянном развитии этических представлений и постепенном изменении всей этической терминологии; он, по-видимому, полагает, что бывают только «правильные» и «неправильные» слова, и «правильная» система этической терминологии не может стать «неправильной», например, устарев»⁹.

Но что такое «правильность» и «неправильность» этических представлений Аристотеля? Не вытекают ли они из его логики? Не является ли этика Аристотеля непосредственным выражением и следствием того, что принято называть «аристотелевской логикой». И главное: что может означать для этики обоснование и построение ее на началах неаристотелевской логики? Не означает ли это дифференциацию, конкретизацию и как следствие этого в определенной степени **оправдание порока?**

Приведем сначала несколько принципиальных мыслей, касающихся сути аристотелевской логики. «Неаристотелевская логика, – пишет Р.К.Уилсон, – имеет дело с экзистенциально-операциональными вероятностями. Аристотелевская логика имеет дело с определенностями, и, ввиду того что на протяжении всей нашей жизни этих определенностей нам не хватает, аристотелевская логика подсознательно программирует нас на выдумывание фиктивных определенностей. Эта погоня за фиктивными определенностями и лежит в основе большинства идеологий и почти всех религий нашей планеты»¹⁰. Не относится ли к этим «фиктивным определенностям» и аристотелевская «определенность блага», которой противостоит экзистенциально-вероятностная беспределность зла.

Систематическую попытку избавиться от диктата аристотелевской логики в сфере «идеологий», гуманитарного знания в целом предпринял Альфред Кожибский в своей работе «Наука и здоровье. Введение в неаристотелевскую систему и общую семантику».

Главная идея Кожибского – создание нормативной «системы нетождественности», которая должна быть использована, прежде всего, в практике психологии и педагогики. Однако она имеет самое прямое отношение и к этике. Просто удивительно, что идея Кожибского не получила своего развития в этическом контексте. «Тренировка на нетождественность», «техника нетождественности» должна, согласно Кожибскому, сформировать в сознании и психике человека «вариативность» концептуальных связей, расщепленность смыслов. Речь идет о своеобразных «интеллектуальных лабиринтах», открывающих многомерную перспективу восприятия и использования основополагающих гуманитарных понятий (включая, естественно, и понятия этики, прежде всего такие, как добро и зло, добродетель и порок). Чтобы апробировать эту идею Кожибский изобрел даже некий прибор, который он назвал «the structural differential» (структурный дифференциал), состоящий из перфорированных карточек, с помощью которых возможно формировать различные варианты концептуальных связей, модель «разветвляющейся концептуализации».

Краеугольным камнем этой **«неаристотелевской парадигмы» гуманитарных наук** является преобразование основного принципа аристотелевской логики – **принципа тождественности**, его четкое отчленение от **постулата тавтологии**.

⁸ Там же.

⁹ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 692.

¹⁰ Уилсон Р.К. Квантовая психология. К.: "ЯНУС", 1998. С. 87 (гл. 8. Квантовая логика).

Автор идеи «нового рационализма» Г. Башляр, ссылаясь на статью О.Л.Рейзера «Неаристотелевская логика и кризис в науке», говорит о том, что в любой научной теории необходимо сначала провести различие между постулатом тавтологии и принципом тождества. Постулат тавтологии означает просто-напросто, что на одной и той же странице одно и то же слово должно сохранять постоянное значение. Если же мы хотим употребить слово в новом значении и если контекст недостаточно ясен, чтобы метафорический смысл этого слова для данного случая стал очевидным, нужно эксплицитно обозначить его семантическое изменение.

В то же время нет ничего общего между постоянным значением слова и неизменностью свойств вещи. Необходимо, следовательно, проводить различие между постулатом тавтологии, предполагающим неизменность слова, и принципом тождества. Ибо принцип тождества говорит о постоянстве объекта, или, точнее, о постоянстве признака (или группы признаков) объекта.

Рейзер справедливо заключает: «В законе тождества я вижу не что иное, как закон реальности или закон природы». И как всякий закон природы, закон тождества, естественно, может быть лишь приблизительным, он может управлять одним уровнем реальности и нарушаться на другом уровне. Считать закон тождества абсолютным — значит, исходя из потребностей некоторой теоретической конструкции, перевести его в ранг постулата¹¹.

Эти суждения имеют самое прямое отношение к этике Аристотеля, в которой также необходимо сначала провести четкое различие между постулатом тавтологии, предполагающим неизменность категорий этики (добродетелей и пороков) и принципом тождества, предполагающим сходство и постоянство самих страстей и поступков, с их последующим подведением под некую «общую» категорию «добродетели» или «порока». Пытаясь выстроить **эквивалентную лексическую конструкцию аристотелевской этики в русскоязычной транскрипции**, Н.В.Брагинская замечает, что лексикографический характер рассуждений Аристотеля строго не выдерживается. «По общей человеческой привычке онтологизировать этические понятия, присущей как обывателю, так и философу, Аристотель временами «забывает», что он говорит, скажем, о пяти значениях слова «мужество», и начинает говорить о пяти видах самого мужества»¹², т.е. фактически смешивает принцип тавтологии и принцип тождества. Этим и объясняется то, что реальной динамике и дифференцированности страстей и поступков, подчиняющихся принципу тождества, придается категориальная статичность постулата тавтологии, задающего схематизм неизменности «середины», «избытка» и «недостатка».

Для доказательства этого обратимся к русскоязычной лексикографии порока, опираясь, прежде всего» на толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. Наша задача состоит в том, чтобы показать, действительно ли некоторые страсти и поступки неизменны сами по себе, являясь своего рода застывшим, кристаллизованным «избытком» или «недостатком». Существует ли реальный опыт тождественности нравственного поведения, расширяющий наши представления о границах и пределе порочности и добродетельности человека, запечатленный в языке?

Начнем с общего понятия зла, а затем перейдем к отдельным порокам (блуд, воровство и др.), приводимых Аристотелем в качестве примера их неизменной, статичной порочности. Для этого используем метод **структурной дифференциации зла** (и других пороков), позволяющий выстраивать цепочку его возрастающих и убывающих величин (степеней), которые можно рассматривать в качестве своего рода «избытка» и «недостатка» зла как некой «золотой середины» порока.

Дифференциация зла по степени его возрастания, гиперболизации (т.е. нарастания «избыточности»), определяется активно-деятельным, намеренно-умышленным, доминантным, сверхчеловеческим характером порочности:

1. **Злость** – зло, как свойство, качество души или как страсть. Злостный, исполненный злости; злоумышленный, злонамеренный, скрытно зло замышляющий. «Он

¹¹ Цит. по: Башляр Г. Новый рационализм. М. – Прогресс, 1987. С. 122 (гл. 5. Неаристотелевская логика).

¹² Аристотель. Указ соч. С. 691-692.

злостно оклеветал его», – т.е. не легкомысленно и не в свое оправданье, а желая ему зла, вреда.

2. **Злоба** – зложелательство, злорадство, ненависть, закоснелая вражда, злое расположение к кому или чему. Воспалиться, гореть злобою, таить в себе злобу. Злобный, исполненный злобы. О человеке: гневливый, мстительный, зложелательный и злопамятный; о животном: лютый, яростный, опасный; о деле, поступке: сделанный со злым умыслом. **Злобность** – свойство, качество, состоянье злобного. Злобивый, злобливый, злобчивый человек, злой, злобный, злопамятный. Злобник м. –ница ж. злобивый человек, скрытный и мстительный. **Злобица** – злой и злобный человек или животное, лютый, свирепый, жестокий. Злобить кого, злить, озлоблять, сердить, раздражать; питать закоснелую вражду к кому-либо, всегда желать зла; злобиться на кого-либо, злиться или питать злобу, искать случая причинить зло. **Злобство** – злоба, ненависть, как чувство и желанье кому-либо зла, месть, чувство и желанье мести. Злобствовать кому-либо или против кого-либо, питать злобу, желать делать зло. Злобствование окончат. действ. по знач. глаг.

3. **Злорадство** – радость по чужой напасти, беде, горю. Злорадствовать, быть злорадным, предаваться злорадству Злорадный, злорадливый, злорадчивый – кто радуется злу; кто радуется злу, тешится бедствием, несчастьем другого. **Злорадение** – прилежанье ко злу. Злорадить кому-либо – зложелать и делать зло. Злорад, злорадец, злорадка, кто радуется несчастью ближнего, человек недоброжелательный, злой вообще.

4. **Злодеяние, злодейство** – злодейский поступок, причинение зла, большой обиды, насилия личности. Злодейский, им свойственный. **Злодеивый**, злодейчивый, склонный ко злодеяниям, насилиям всякого рода. Злодеять, злодействовать, деять зло, творить всякую неправду, быть злодеем. Злодеятель, злоделатель, злодей, зло творящий. Злодейственный, злодейский, враждебный добру или умышленно вред наносящий. Отсюда – злодей м. злодейка ж. кто деет, творит зло; враг или враг, супостат, недруг, предавшийся злу, ожесточенный преступник, закоснелый противник божеских и людских законов.

5. **Злотворение, злотворство** – творение зла, злодеяние, злочинство. Злотворный, неправедный или неправдивый: причиняющий зло, вред, худо. Злотворец м. – творка ж. злотворитель, –ница, злодей; обидчик.

6. **Зломогучесть, зломочность** – могущество, сила зла, превышающая человеческие пределы. Зломочный, – могучий – могущественный, неиссякаемо сильный злом, злобою, злодеянием. Отсюда – **злोलютый, злосвирепый, злонеистовый** – беспредельно злой, злобный и иступленный в злобе человек.

7. **Злобесовство** – сверхличностная одержимость злом. Отсюда – злобесовский, злодемонский, злодьявольский, злосатанинский.

Дифференциация зла по степени его убывания, т.е. нарастания его «недостаточности», определяется ненамеренным, природно-обусловленным, случайным, стихийным, ситуативным, пассивным, частным характером порочности:

1. **Злонравность** – злой нрав, как свойство, качество человека; **злонравие** – то же, как состоянье. Злонравный – о человеке: у кого злой нрав: о поступке: на злонравии основанный. Злонравствовать, давать волю своему злему нраву и мучить других. Отсюда также **злострастие** – страсть, пристрастие, склонность ко злу.

2. **Злоречивость, злословие** – склонность, привычка говорить дурно о других, наговаривать на них, хулить и ругать заглазно. Злословить – язвительно отзываться о людях, недоброжелательно обсуждать чужие дела.

3. **Злопамятность** – долго помнить зло или обиду, даже и ненамеренную, не забывать и не прощать ее.

4. **Зломудрие, зломудрость** – мнимая, ложная, богопротивная мудрость. Зломудрый человек – ложно, богопротивно, развратно умствующий; учение, на таких началах основанное. Зломудровать и зломудрствовать – неправое, ложное, превратно мудрствовать. Зломудрование, зломудрствование – как действие, так и ложное и злое суждение. Зломудрствователь, зломудрый человек – искажающий истину учения ложным и пагубным умствованием. Также – **злоумие, злоумствование** – неправое и вредное ум-

ствование, суждение, злоупотребление способностями разума. Злоумиться – своевольно идти на худое, не слушаясь доброго, поступать дурно.

5. **Злочиние** – неблагочиние, беспорядок, неустройство. Злочинный, бесчинный, нарушающий порядок, несоблюдающий приличий. Злочинствовать, бесчинствовать, своевольничать, производить неурядицу.

6. **Злоимчивость, злоприимчивость** – бездумное принятие зла или подражание злему, копирование и имитация зла. Злоимный, злоимчивый – кто легко принимает зло, либо склонен перенимать худое.

Христианская рецепция зла выражена в понятии греха. В русскоязычной традиции грех понимается с одной стороны как поступок, противный закону Божию, вина перед Господом, а с другой – как вина перед людьми, как проступок, ошибка, погрешность. Существенным признаком является здесь намеренность или невольность прегрешения («ино грешится неволей»), персонализированность или безличность совершения греха («погрешается»), а также его «заразительность», соблазн, т.е. введение в грех других. Это и определяет в целом увеличительные («избыточные») или уменьшительные («недостаточные») степени греховности: на одной чаше весов – **грешба**, на другой – **грешки**; на одной мир, где «все в грехе живут», на другой – **греховище** – поприще греха, место, где умышленно совершается грех.

«Избыток» греховности:

1. **Греховничать** – жить в грехе, беспутно, предаваясь греху. Греховник, греховница – ведущие беспутную жизнь.

2. **Греховодить или греховодничать** – соблазнять, совращать, вводить других в грех. Греховодничанье, греховодство – соблазнительные поступки. Греховоднический или греховодный, к греховодству относящийся, соблазнительный. Греховодник, -ница, греховод, -водка, кто греховодит.

3. **Грехолюб**, грехолюбец м. грехолюбница или грехолюбка – сильно приверженный к греху, постоянно предающийся греху, грешной жизни; грехолюбивый человек.

4. **Грехотворничать, грехотворить**, творить или делать грешное, грешить. Творить или создавать грех, проступок, преступление, где его в сущности нет, напр. неуместными распоряжениями, неисполнимыми постановлениями и пр. Грехотворничанье, грехотворство, само действие; согрешение; введение в грех других, неуместными законами, запретами, порядками. Грехотворный, о человеке – согрешающий; о распорядке, законе – вводящий в грех. Грехотвор, грехотворец или грехотворник, грехотворка, грехотворица, грехотворница, кто грехотворит, в обоих значениях

«Недостаток» греховности:

1. **Грешность, грешноватость** – состояние человека, подпавшего в той или иной степени греху, причастность греху; непозволительность, виновность, преступность. Грешить, впадать в грех, проступаться, ошибаться. Грешить на кого-либо, клеветать, взводить напраслину. Грешный человек – подверженный, причастный греху. Грешно – неправо, неправдиво, несправедливо. **Грешновато** тебе делать это, **грешным-грешнехонько**. Грешитель м. грешительница ж. (более с предлогами: «пре», «со»)

2. **Грехомыга** – человек грешного жития. Грехомыжничать – жить беспорядочной, суетливой грешной жизнью.

Следует обратить внимание на действенный, «**глагольный**» характер «избыточных» степеней греха и соответственно – пассивный, сопричастный, безличный характер его «недостаточных» степеней, что выражается в преобладании **наречий** уменьшительно-ласкательного свойства: грешновато, грешным-грешнехонько. Отсюда – тот оправдательный вердикт, который нередко выносится греху народным сознанием: «Грешный честен, грешный плут – в мире все грехом живут»; «Без греха согресишь» и др.

В этом отношении русский язык в отличие от западноевропейских языков фиксирует динамику греха не в плане преступления, а в плане ошибки, заблуждения. «Самое слово «грех», – замечает П.А.Флоренский, – приравнивается к слову «о-грех», так что «грешить», значит «ошибиться», «не попадать в цель», наконец, «дать мимо», «дать маху», «пропустить». Нам нет надобности решать вопрос о том, насколько правильна такая

этимология, ибо, по существу дела грех все равно есть «огрех», есть «дать мимо». Но мимо чего же ведет нас грех? ... Мимо той нормы бытия, которая дана нам Истиною»¹³.

Обратимся теперь к тем самодовлеющим порокам, которые Аристотель считал «дурными сами по себе, а не за избыток или недостаток». Это – **блуд** (*moikheia*) и **воровство**. В строгом смысле слова их нельзя считать собственно пороками, а только дурными поступками, ибо порок, по Аристотелю, есть именно избыток или недостаток страсти или поступка.

Зададимся вопросом: имеют ли блуд и воровство степени убывания и возрастания от некоего среднего (срединного) ценностного значения данного поступка. Для Аристотеля этот вопрос лишен всякого смысла, так как для него невозможно совершать блуд с кем-либо, когда-либо и как следует (или не следует) с точки зрения предпочтительности того или иного деяния в блуде. Следовательно, невозможно в данном случае блудить хуже или лучше, больше или меньше, пристойнее или непристойнее; невозможно даже выбрать из двух зол блуда меньший блуд.

Тем не менее, язык заставляет усомниться в этом. В русскоязычной традиции мы встречаем различные степени возрастания и убывания ценностного содержания блуда, определяющие вариативность его тяжести и легкости.

Смягченной («недостаточной») степенью блуда является **блудливость**, которая в словаре Даля толкуется как шаловливость, прокудливость, склонность к шалостям и проказам. Соответственно, **блудень** – шалун, баловник, проказник.

В свою очередь, **блудодейство, прелюбодеяние** можно расценивать как тяжкую степень блуда, как его «избыток». В словаре Даля это трактуется как распутство, разврат. Соответственно, **блудодей, прелюбодей** – развратный, распутный человек¹⁴. Очевидно, что блудень и блудодей совсем не одно и то же. Хотя для Аристотеля есть только блудник (*moikhos*), поскольку в его логике нет различия между принципом тавтологии и принципом тождества. Блудливость и блудодейство тавтологичны, но не тождественны.

То же самое можно приложить и к воровству. Воровать – означает не только красть, похищать чужое и присваивать его себе, но и мошенничать, плутовать обманывать¹⁵.

Отсюда – **вороватый** – плутоватый, хитрый, лукавый, увертливый ловкий, продвухной.

Еще более смягчающей степенью является понятие **воровый**, т.е. проворный, прыткий, бойкий, расторопный, проворотливый.

Неудивительно, что в русском языке воровство как проступок варьируется от степени **подворовывать, поворовывать** (иногда) до степени **провороваться и извороваться**. Отсюда, представления о большом и малом воровстве, что нашло свое отражение в понятиях «вор» и «воришка»: «Малый вор бежит, большой лежит», «Что вора с рук сходит, за то воришек бьют» и др.

Особенно интересным по характеру сравнительных степеней является порок, обозначаемый словом «наглость»¹⁶. Сама его «избыточность» и «недостаточность» (т.е. избыток наглости и недостаток наглости) получили свое отражение в характерных лексемах, частях речи русского языка:

Наглый – дерзкий, нахальный, бесстыжий. Нагленько он поступает, наглогато. Наглешенько, наглехонько, весьма нагло. «Наглому дай волю, захочет и боле».

Наглость – свойство наглого. Нагловатый, наглостный – наглый, в меньшей степени. Нагловатость – свойство наглового, дерзость. Наглец, наглянка, наглуша, наглыш,

¹³ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Том 1 (I). М., 1990. С. 179.

¹⁴ См.: Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. С. 41.

¹⁵ Указ. соч. С. 101.

¹⁶ Заметим, что для Аристотеля наглость (*hybris*) представляет собой один из наиболее злостных пороков, своего рода символ и олицетворение порочности, а не только избыток некоей страсти, недостатком которой является застенчивость, а серединой – скромность. В этом смысле, наглость – порок «сам по себе», подобно блуду и воровству. В отличие от «невоздержности порыва» (в ярости или гневе) в наглости проявляется «невоздержность влечения», сопровождаемое чувством удовольствия от самоутверждения за чужой счет. Никто не ведет себя нагло, – пишет Аристотель, – страдая при этом; действуя же в гневе, всякий испытывает страдание, тогда как наглец, напротив, действует с удовольствием». Аристотель. Указ соч. С. 203.

наглышка – различные степени наглого человека, того, кто без стыда и при людях (нагло) делает зазорные вещи, требует буйно и прямо неправого и пр. Наглецкий поступок, наглецки сделанный – свойственный поведению наглеца. Наглеть – становиться более и более наглым. Нагловать – молодцевать наглостью своею, выставлять ее на позор. Наглодушье и прилаг. наглодушный – запальчивость; гневливый, вспыльчивый, запальчивый: здесь наглый в значении внезапности, взрывчивости¹⁷.

От чего вообще зависит разнообразие и различие степеней того или иного порока, определяющие его нетавтологичность? Прежде всего, от его **актантной структуры** (от лат.: acta – действия, деяния), в которой выражается особенность соотношения между различными элементами порочного поступка. Дело в том, что аристотелевская этика основывается на **однозначной актантной структуре соотношения пороков и добродетелей, включающей в себя следующие компоненты: субъект (носитель качества – порока или добродетели); объект (по отношению к которому проявляются свойства субъекта); процесс (сами порок или добродетель) и аксиологическое понятие нормы, сравнения и отношения.** Однако в реальной нравственной ситуации актантная структура порока может включать в себя (помимо субъекта, объекта, процесса и нормы) другие субъекты и объекты, предполагать виртуальные, параллельные ситуации, являющиеся фоном для данного порока. Сама ориентированность порока может быть единичной и множественной (когда речь идет о нескольких объектах), прямой встречной или цикличной (когда порок возвращается бумерангом к субъекту) и т.д.¹⁸. Это предполагает сложную нетавтологичную логическую основу для формализации и типологизации пороков, опирающуюся на многозначную логику, модальную логику, воображаемую логику, одним словом, неаристотелевскую модель логики, что в корне меняет логическую основу соотношения добродетелей и пороков, исчисляемых по традиционному принципу меры, избытка или недостатка того или иного качества. Характерно, что традиции русского языка и культуры являются ярким свидетельством неаристотелевской динамики нравственных качеств, как в плане соотношения добродетелей и пороков, так и в плане их дифференциации. «Идеализация «золотой середины» в проявлении душевных качеств, воспринятых от Аристотеля на Западе, не получила распространения на Руси. Здесь всегда признавали, что «крайности сходятся и что в их столкновении рождается *правильное*».

Щедрость между расточительством и скупостью...

Кротость между раздражением гнева и равнодушием...

Правдивость между хвастовством и притворством...

Мужество между отвагой и страхом...

Воздержание между наслаждением и аскезой...

Вежливость (взаимность) между лестью и сварливостью...

В русском представлении расточительность и есть щедрость, равнодушие и есть кротость; отвага и есть мужество; наслаждение аскезой и есть воздержание, а взаимная вежливость всегда льстива, как и внешнее проявление правдивости (это притворства). Род (мужество) и один из видов (отвага) метонимически сведены в одно, противопоставляясь своему оппозиту на равных основаниях¹⁹.

Таково приближающееся к реальным нравам соотношение между добродетелями и пороками, определяющее дифференцированную и многозначную структуру порочности. И это должно найти свое отражение в современной этической теории.

¹⁷ См.: Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. С. 387.

¹⁸ См.: Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей //Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000, С. 95-96.

¹⁹ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 46.

Список литературы

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. Башляр Г. Новый рационализм. М. – Прогресс, 1987.
3. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск, 2002.
4. Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей //Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.
6. Рассел Б. История западной философии. М., 1959.
7. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. Спб.,2004.
8. Уилсон Р.К. Квантовая психология. К.: "ЯНУС", 1998.
9. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Том 1 (I). М., 1990.
10. Хоружий С.С. Этические принципы исихазма и современные поиски неклассической этики // <http://www.bogoslov.ru/text/2284692.html>
11. Чижевский Д.И. «О формализме в этике (Заметки о современной кризисе этической теории) // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1928.

RUSSIAN-SPEAKING LEXICOGRAPHY VICES ETHICS IN THE CONTEXT OF ARISTOTLE

V.N. NAZAROV

*Tula State
Pedagogical University*

e-mail: nazarov_vn@mail.ru

The essence of the hypothesis presented in this paper is that one of the main causes of the crisis of ethical science is the Aristotelian paradigm (traditional, classical) ethics of virtues and vices, which determines the form of schematic development of ethics in European culture (including its Christian reception) on over more than two thousand years.

To prove this, the author turns to the Russian-language lexicography blemish, based on Dictionary of the Russian Language W. Dal.

Key words: Aristotle, ethics, morals, evil, sin.